A 150/278

А 150
А 278

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

ПРОТИВЪ ГРАФА Л. ТОЛСТАГО.

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Елконскаго и К°. Невскій пр., д. № 134.
1888.

А 150/278

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

ПРОТИВЪ ГРАФА Л. ТОЛСТАГО.

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій пр., д. № 134.
1888.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 25 Февраля 1888 года.

Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА, АРХІЕП. ХЕРСОНСКАГО и ОДЕССКАГО.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Богъ сотворилъ отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному, уставивъ предучиненныя времена и предѣлы селенія ихъ: взыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща. О Немъ бо живемъ и движемся и есмы. Сего бо и родъ есмы (Дѣян. 17, 26—28).

По изъясненію святаго апостола Павла, *вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1), т. е. увѣренность въ невидимомъ (небесномъ), какъ-бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ (въ будущей вѣчной жизни), какъ-бы въ настоящемъ. Вѣрою познаемъ, что вѣки устроены словомъ Божіимъ, такъ что изъ невидимаго, по глаголу Божію, произошло все видимое. Надобно, чтобы всякій приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, что Богъ существуетъ, и ищущимъ Его воздаетъ, что всякій ищущій Бога, исполняя волю Божію, получитъ обѣщанное Богомъ освященіе и миръ души на землѣ и блаженство вѣчное на небесахъ, что грядущій открыть свое вѣч-

ное царство Господь пріидетъ и воздастъ каждому по дѣламъ его.

Праведный вѣрою живъ будетъ; а если кто колеблется, не благоволитъ къ тому душа Моя, глаголетъ Господь чрезъ пророка. Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ. Эта вѣра даетъ смыслъ, силу, направленіе жизни. Каждый живущій человѣкъ, находя этотъ смыслъ, живетъ на основаніи его. Если же не нашелъ, то умираетъ, во-первыхъ духовно, а часто и тѣлесно, что подтверждается особенно учащенными въ послѣднее время самоубійствами невѣрующихъ. До сихъ поръ исторія не знала народа, невѣрующаго въ Бога и безсмертіе. Доказать же противное, что народы могутъ жить безъ вѣры въ Божество и въ безсмертіе, ясно-ли, смутно-ли понимаемое, еще предлежитъ современнымъ невѣрамъ, чего они, конечно, не докажутъ никогда. Въ этой вѣрѣ свидѣтельствованы были всѣ древніе отъ начала міра до самыхъ послѣднихъ временъ, всѣ величайшіе мужи исторіи.

Въ исканіи истиннаго смысла жизни, точнѣе въ изысканіи истинной вѣры, человѣкъ долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что относительно вѣры содержитъ и преподаетъ лучшая часть человѣчества, научаемая самимъ Богомъ чрезъ божественное откровеніе. Подъ именемъ божественнаго откровенія разумѣется то, что самъ Богъ открылъ человѣкамъ, дабы они могли право и спасительно вѣровать въ Него и достойно чтить Его. Первыми провозвѣстниками откровенія Божія были Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и другіе пророки, которые приняли и про-

повѣдывали начатки откровенія Божія. Въ полнотѣ же и совершенствѣ принесъ на землю откровеніе Божіе воплощенный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и распространилъ оное по вселенной чрезъ своихъ учениковъ и апостоловъ.

А что Господь Іисусъ есть учитель божественный, что возвѣщалъ Онъ высочайшую чистѣйшую истину, это доказывается всѣмъ евангеліемъ, какъ и всею исторіею Христіанства, доказывается многочисленными свидѣтельствами самовидцевъ воплотившагося Слова Божія о Его дивной жизни и безчисленныхъ чудотвореніяхъ, о Его крестной смерти и воскресеніи. А что мы обязаны вѣровать и апостоламъ Христовымъ, это видно изъ обращенныхъ къ нимъ словъ самого Христа: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ, и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ пославшаго Мя Отца*, какъ и изъ многихъ другихъ Его же изреченій, какъ и изъ всего евангелія и всей ново-завѣтной священной исторіи. Изъ евангелій видно, что святые апостолы возвѣщали истину не свою, а Христову, проповѣдывали не иное, какъ Христово ученіе. Вотъ по Христовымъ, по евангельскимъ изреченіямъ, св. апостолы отъ вѣка принадлежали Богу Отцу, который предъизбралъ ихъ прежде сложенія міра. Богъ Отецъ далъ ихъ своему Сыну, Спасителю міра, который и избралъ ихъ отъ міра. Избралъ, чтобы сотворить ихъ ловцами человѣковъ, солію міра, свѣтомъ міра. Училъ ихъ самъ, вразумлялъ, обличалъ, предостерегалъ. Училъ вмѣстѣ съ прочими учениками, но училъ и особо, сокровенно, наединѣ, какъ избраннѣйшихъ своихъ учениковъ, какъ будущихъ избраннѣйшихъ учителей

міра, проповѣдниковъ имени Его, какъ избраннѣйшихъ посланниковъ премудрости божественной. Многое было открыто имъ еще при жизни Господа на землѣ особою божественною благодатію, какъ Петру самъ Богъ Отецъ открылъ единороднаго своего Сына въ лицѣ Христа Іисуса, открылъ, чтобы въ лицѣ Петра явить будущій незыблемый камень Христовой церкви, которой и врата адова не одолѣютъ. Такъ и прочимъ апостоламъ, еще при жизни Христа на землѣ, самъ Богъ Отецъ открывалъ въ нѣкоторой мѣрѣ тайны царства небеснаго, открывалъ симъ младенцамъ, людямъ некнижнымъ, простымъ, утаивая въ тоже время сіи тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ. По воскресеніи же своемъ Господь чудодѣйственно отверзаетъ имъ умъ разумѣти писанія Моисея и другихъ пророковъ, которые всѣ предвозвѣщали о Немъ, о Его пришествіи въ міръ, о Его страданіи и воскресеніи, и о спасеніи міра именемъ Его. Тѣми и другими, естественными и сверхъестественными, способами Господь Іисусъ открывалъ избраннѣйшимъ своимъ ученикамъ имя Бога Отца, передалъ имъ слова, которыя далъ Ему самому самъ Богъ Отецъ. И они приняли и уразумѣли истинно, что Христосъ изшелъ отъ Бога Отца. Но полное уразумѣніе божественной истины Христосъ обѣщаетъ имъ по сошествіи на нихъ Духа Утѣшителя, Духа истины, который наставитъ ихъ на всякую истину и воспомянетъ имъ все, что Христосъ говорилъ имъ при жизни; скажетъ имъ даже больше того, что они слышали отъ Него самого при жизни, но скажемъ не свое, а Христово же слово, потому что отъ Него

же пріиметъ и возвѣститъ имъ, потому что Духъ Утѣшитель исходитъ вѣчно отъ Бога Отца, съ которымъ единородный Сынъ Его едино, какъ и вси сіи тріе, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, едино суть. По сошествіи же на апостоловъ Святаго Духа, по очищеніи ихъ благодатію Святаго Духа, они будутъ едино со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Тогда Сынъ Божій прямо возвѣститъ имъ объ Отцѣ. Тогда они и Его самого, Сына Божія, увидятъ, какъ теперь, до смерти Его, пока не видятъ; тогда явится Онъ имъ самъ, чтобы пребывать съ ними во вѣкъ; тогда и Духъ Святый, разъ сошедши на нихъ, пребудетъ съ ними также во вѣкъ, чтобы наставлять ихъ на всякую истину. Тогда Христосъ, какъ истинная лоза, привьетъ ихъ къ себѣ, какъ вѣтви, и они станутъ жить Его жизнью, просвѣщаться Его вѣдѣніемъ, дышать Его духомъ, духомъ истины и правоты, такъ какъ Онъ есть путь, истина и жизнь. Тогда вѣрующіе въ Него, силою Его, сотворятъ дѣла, которыя Онъ самъ творилъ, и больше того сотворятъ. При жизни своей Христосъ самъ соблюдалъ своихъ учениковъ отъ міра; а теперь передъ смертію Онъ молитъ Бога Отца, чтобы самъ Богъ Отецъ соблюдалъ ихъ отъ мірскаго зла; молитъ, чтобы освящалъ ихъ истиною своею; молитъ о нихъ особо и исключительно, да будутъ они едино во Отцѣ и Сынѣ, чтобъ и міръ чрезъ слово ихъ позналъ, что Отецъ послалъ Христа въ міръ, чтобы чрезъ эту вѣру люди достигали жизни вѣчной, которая въ томъ и состоитъ, да знаютъ единаго истиннаго Бога Отца и егоже послалъ Онъ, Іисуса Христа. Тогда, по

сошествіи на нихъ Святаго Духа, не они, не апостолы будутъ говорить, но Духъ Отца небеснаго будетъ говорить въ нихъ. Тогда Онъ самъ, Господь Іисусъ, дастъ имъ уста и премудрость, ей—же не возмогутъ противитися или противостати вси противляющіеся имъ. Тогда они пребудутъ въ Духѣ Святомъ, и Онъ въ нихъ; пребудутъ въ Сынѣ Божіемъ, яко-же Онъ во Отцѣ, и Отецъ въ Немъ, такъ и апостолы пребудутъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Тогда чрезъ нихъ Духъ Святый будетъ свидѣтелемъ Іисуса Христа въ мірѣ, и они, пребывъ со Христомъ отъ начала, какъ самовидцы Слова, станутъ также Его свидѣтелями повсюду, отъ Іерусалима и до конецъ земли. Тогда кто пріиметъ ихъ, пріиметъ самого Христа, а кто отвергнется ихъ, отвергнется самого Христа. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, они и дѣйствительно изшедше проповѣдаша слово Христово всюду, Господу споспѣшествующу, и слово ихъ, какъ истинное божественное слово, утверждающу послѣдствующими знаменіями неисчислимыхъ чудотвореній. Св. апостолъ Павелъ, въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ и Солунянамъ, въ подтвержденіе божественной истинности своего слова, самъ указываетъ на многія знаменія, чудеса и силы, явленныя имъ предъ ихъ собственными очами. Здѣсь—поразительнѣйшее доказательство какъ непреложности чудотвореній, такъ и божественности ученія св. апостола Павла, а равно и другихъ апостоловъ.

Для истиннаго послѣдователя Христова только то откровеніе можетъ быть истинно божественнымъ, которое преподали, устно и письменно, самъ Го-

сподь Іисусъ Христосъ и святые апостолы Его, а изъ древнѣйшихъ ученій только то ученіе можетъ быть божественнымъ же откровеніемъ, которое признавали и выдавали за таковое они же, самъ Христосъ Господь съ своими апостолами, которое провозвѣщали пророки и другіе святые мужи, которое содержала ветхозавѣтная церковь. Подобнымъ-же образомъ и истинною церковію послѣдователь Христовъ долженъ признавать только ту, которую за таковую признавали въ ветхомъ завѣтѣ самъ Христосъ Спаситель и апостолы Его, а въ новомъ завѣтѣ ту, которая содержитъ истинное божественное откровеніе свято въ нерушимой цѣлости.

Ново-завѣтная церковь есть отъ Бога утановленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами. Подобнымъ же образомъ и ветхо-завѣтная церковь была также отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ богооткровенною вѣрою и закономъ Божіимъ, священноначаліемъ (въ патріархальной церкви родовымъ патріархальнымъ, а въ подзаконной — богоизбраннымъ іерархическимъ) и священными обрядами, прообразовавшими новозавѣтныя таинства, каковы были въ церкви патріархальной богоуставленные чины и обряды бракосочетанія, обрѣзанія, приношенія жертвъ и вообще священнослуженія, а въ церкви подзаконной чины и обряды тѣхъ-же обрѣзанія, бракосочетанія, жертвоприношеній и поставленія во священство, съ разными уставами священнослуженія. Церковь земную должно всегда мыслить не въ иномъ видѣ, какъ въ связи съ цер-

ковію небесною, съ духами праведниковъ, отшедшихъ въ горній міръ, съ горними ангельскими силами, посылаемыми на служеніе спасенію человѣковъ, съ Духомъ Божіимъ, воодушевляющимъ, просвѣщающимъ и животворящимъ церковь, наконецъ, съ главою церкви, воплотившимся Сыномъ Божіимъ, который уже въ ветхомъ завѣтѣ былъ главенствующимъ руководителемъ церкви и патріархальной и подзаконной, какъ Ангелъ Завѣта, какъ предопредѣленный отъ вѣка посредникъ между Богомъ и человѣкомъ. Что Богъ и святые Его неразрывно соединены съ земною церковью, это подтверждается для всякаго безпрерывнымъ, на всемъ пространствѣ исторіи отъ начала міра и до послѣднихъ дней, рядомъ знаменій и чудесъ, видимо проявляющихъ въ церкви Божіей сверхъ-естественную силу Божію и постоянно подтверждающихъ божественное происхожденіе и значеніе самой церкви.

Какъ общество истинно вѣрующихъ, земная церковь установилась не только естественно и необходимо, но и особымъ устроеніемъ Божіимъ, и обратно, не только по особому устроенію Божію, но и необходимо и естественно. *Идѣже ести два или тріе, собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ*, изрекъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Первую церковь на землѣ составили первые два человѣка, соединенные волею Божіею и естественнымъ союзомъ мужа и жены. Впрочемъ и тогда составляли церковь не два лица, а больше, третій съ ними и надъ ними самъ Богъ Творецъ, Вседержитель и Отецъ человѣковъ; а между людьми и Богомъ туже церковь восполнялъ безчисленный сонмъ

духовъ небесныхъ. Съ теченіемъ-же времени ту же церковь наполняли разрастающіеся семейный и родовой союзы; такъ, въ семействѣ первозданныхъ людей дѣти ихъ, а въ родѣ ихъ все первопачальное потомство ихъ отъ Адама до Ноя. При чемъ видимо главенствующими въ первобытной патріархальной церкви естественно являются патріархи Симъ, Енохъ, Маѳусаилъ, Ной, какъ начальники родовъ и какъ по святости жизни состоявшіе въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ. Они же первые были и провозвѣстники воли Божіей, вѣдомой имъ и по преемственному преданію и по непосредственному богооткровенію, и судіи другихъ отъ лица Божія, какъ отцы семей и родоначальники. Они же первые стали изрекать и клятву и благословеніе на другихъ, какъ изрекъ Ной патріархъ на сыновъ своихъ и потомство ихъ. Впрочемъ, самъ Богъ, Творецъ и Отецъ всѣхъ человѣковъ, положилъ предъ лицемъ каждаго человѣка благословеніе и клятву, да своею волею и собственнымъ разумомъ каждый изберетъ благое и благословеніе и отвергнетъ злое и клятву, изреченную отъ вѣка на всякое зло. Такъ, не говоря о самомъ Адамѣ, невѣріемъ слову Божію и нарушеніемъ Божіей заповѣди навлекшемъ клятву на себя и весь родъ человѣческій, уже въ падшемъ человѣчествѣ первую по Адамовой клятву навлекаетъ на себя и на родъ свой первый сынъ Адама, первый же злостный братоубійца Каинъ, вслѣдствіе чего самъ собой и отдѣлился отъ церкви Божіей. Послѣ Каина ту же клятву наслѣдовали въ допотопномъ человѣчествѣ всѣ сыны человѣческіе, про-

истекавшіе по преимуществу отъ Каина, которые впали въ невѣріе и въ плотскую жизнь; а соединяясь плотскими союзами и съ потомствомъ Сиѳа, растлили весь человѣческій родъ, кромѣ Ноева, за что и истреблены отъ Бога всемірнымъ потопомъ. Когда же Богу такъ угодно положить благословеніе и клятву предъ лицемъ каждаго человѣка, то кто оспоритъ это право у каждаго избрать себѣ, вольною волею и вольнымъ разумомъ, положенныя предъ лицемъ каждаго благо и благословеніе, или зло и клятву? Кто оспоритъ и у самого Бога безусловное Его право изречь благословеніе на добро и клятву на зло? Онѣ уже изречены прежде сложенія міра, прежде созданія каждаго человѣка, по предвѣдѣнію и предопредѣленію. Кто оспоритъ у отца, у родоначальника патріарха право изречь благословеніе или клятву на добрыя или злыя свои порожденія? Кто оспоритъ у отца естественное и божественное право наложить свою волю на дѣтей, требовать отъ нихъ ея исполненія и наказывать за нарушеніе? Кто оспоритъ то же право у родоначальника, въ отношеніи къ ближайшему его потомству, или же у союза родоначальниковъ, въ отношеніи къ ближнимъ и дальнимъ своимъ потомкамъ? Можно дѣтямъ и потомкамъ вотще оспаривать это право у своихъ отцовъ и родоначальниковъ; но отнять это освященное общечеловѣческими завѣтами право у отцовъ и родоначальниковъ, когда они имъ воспользовались, когда изъ него развилась вся исторія всѣхъ человѣческихъ обществъ, когда исторія подтвердила силу и дѣйственность отеческихъ завѣтовъ, клятвъ и благо-

словеній, когда въ исполнившихся завѣтахъ и обѣтованіяхъ отцовъ здравый общечеловѣческій смыслъ привыкъ усматривать непреложную волю Божію,— отнять это право у отцовъ и начальниковъ родовъ нельзя. Это не только невозможно, но было бы и противоестественно, и богопротивно.

Такъ вотъ, въ раскрытіи судебъ церкви Божіей на землѣ, вызванный въ землю обѣтованную Авраамъ вступаетъ съ Богомъ въ завѣтъ, который скрѣпляетъ клятвенной присягою, вступаетъ не только за себя, за свою семью, но и за все свое потомство, клянясь на вѣки быть вѣрнымъ единому истинному Богу, подъ угрозою нарушителямъ сего завѣта изъ своего рода даже смертной казни. Такъ потомки Авраама, родопачальники колѣнъ, племенъ и родовъ Израилевыхъ, осыпанные въ Египтѣ благодѣяніями Божіими чрезъ Моусея, выведенные изъ рабства Египетскаго, по чудесномъ переходѣ чрезъ Чермное море, крестились въ Моусея, т. е. дали обѣтъ за себя и за весь родъ свой навсегда быть вѣрными Моусею; у Синая же поклялись, скрѣпивъ свою клятву буквально присягою, быть на вѣки вѣрными завѣту своихъ праотцевъ и своему собственному съ Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, изрекая не только клятву на себя самихъ и весь родъ свой, но и тяжкія наказанія нарушителямъ сего завѣта до смертной казни включительно. Пусть же теперь кто либо, три-четыре тысячи лѣтъ спустя, оспориваетъ у Моусея и современниковъ его, какъ и у патріарховъ ихъ Авраама, Исаака и Іакова, право вступить въ завѣтъ съ Господомъ Богомъ, подъ страхомъ клятвы и даже

смертной казни, не только за себя, но и за потомство свое. Они вступили и связали этою клятвою себя и родъ свой на вѣка. Пусть кто либо изъ нашихъ суемудрыхъ современниковъ отыметъ то же право держать себя и потомство свое подъ тою же клятвою въ завѣтѣ Моусея и Авраама у отцовъ и родоначальниковъ современнаго намъ еврейскаго народа. Увы! Право естественное, хотя теперь, по измѣнившимся на пространствѣ тысячелѣтій обстоятельствамъ церкви Божіей, по учрежденіи церкви новозавѣтной, и ошибочно Израильтянами направляемое. Тягость ветхаго Моусеева завѣта была и есть то иго рабства, отъ котораго, по слову апостола Павла, избавилъ насъ учредитель новаго завѣта Господь Іисусъ Христосъ.

Понятна злобная ненависть современныхъ намъ суемудровъ къ Христовой церкви, но непостижимо ихъ непониманіе относительно церкви. Впрочемъ это будто бы непониманіе есть не иное что, какъ ослѣпленіе ихъ, какъ отверженіе ими очевидной истины, какъ явная хула ихъ на Духа Святаго. Вѣдь всякому извѣстно, что по рожденію своему до самой смерти, точнѣе до тайной вечери, Господь Іисусъ самъ принадлежалъ къ ветхозавѣтной церкви, которую и признавалъ какъ богоучрежденную церковь, подчиняясь всѣмъ ея уставамъ, пока на тайной вечери, учредивъ величайшее таинство новаго завѣта, не утвердилъ и новозавѣтную церковь. Начало же этой новозавѣтной церкви Онъ положилъ, когда призвалъ къ себѣ первыхъ своихъ учениковъ апостоловъ. А когда воспиталъ ихъ до изреченія апостоломъ Петромъ, по откровенію отъ

Бога Отца, твердой вѣры въ Него, Господа Іисуса, какъ въ Единороднаго Сына Божія, то и изрекъ: *ты еси Петръ и на семъ камени* (на вѣрѣ Петра и прочихъ апостоловъ въ Него, Іисуса, какъ Единороднаго Сына Божія) *созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Завершилъ же Христосъ Господь основаніе своей церкви, когда въ день пятидесятый по воскресеніи своемъ ниспослалъ Пресвятаго своего Духа на святыя своя ученики и апостолы. Тогда, по сошествіи на нихъ Святаго Духа, они изшедше въ міръ весь, наченше отъ Іерусалима. устроили церкви Божіи по всѣмъ градамъ, а каѳолическую, апостольскую. едину, святую, Христову церковь утвердили во всѣхъ краяхъ земли.

Тщетнымъ суемудріемъ влаются современные лжеучители, когда смущаютъ другихъ словомъ Христовымъ апостоламъ: *вы не нарицайтеся учители, единъ бо есть учитель вашъ Христосъ*, что въ рѣчи Христовой буквально значитъ вы не мните быть учителями, равными единому учителю вашему Христу, равно опасайтесь быть и такими суемудрыми тщеславными учителями, каковы еврейскіе книжники и фарисеи, которые любятъ зватися отъ человѣкъ: равви, равви! учителю, учителю! отче, отче! Вѣдь говоря противъ нихъ же, противъ тѣхъ же книжниковъ и фарисеевъ, тѣмъ же святымъ апостоламъ: *и отца не зовите себѣ на земли; единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ*, не запрещаетъ же Христосъ называть отцами отцовъ земныхъ, которыхъ самъ не только называетъ, но и заповѣдуетъ называть отцами (Матѳ. 19, 19). Вѣдь ихъ же, ближайшихъ учениковъ своихъ, Христосъ назвалъ

своими апостолами, посланниками, своими друзьями (Іоан. 15, 13—15), назвалъ не только книжниками мудрецами, но и пророками, и назвалъ въ той же самой рѣчи, въ которой внушаетъ имъ не тщеславиться пустыми титулами: равви, равви! учителю, учителю! отче, отче! (Матѳ. 23, 34). Имъ же, апостоламъ, Христосъ Господь, предъ вознесеніемъ своимъ, заповѣдуетъ: *шедше научите вся языки, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ*, поставляя ихъ учителями вселенной. Самъ Христосъ, по слову апостола Павла, *далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники* (евангелисты), *овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова— церкви* (Евр. 4, 11—12). И храмъ Божій, созидаемый Духомъ Святымъ, растетъ въ церковь святую о Господѣ, будучи назданъ на основаніи апостоловъ и пророковъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу (Еф. 2, 20—22).

Учрежденная Господомъ Іисусомъ, учителемъ милосердія и любви, церковь Христова можетъ ли проклинать? Поставивъ вопросъ шире и точнѣе, можетъ ли церковь судить и осуждать, можетъ ли извергать изъ своего общенія, изрекать анаѳему отлученія или даже клятвы, отвѣчаемъ рѣшительно, что можетъ. На это церковь уполномочена самимъ Христомъ. Своимъ апостоламъ, проповѣдникамъ Евангелія, самъ Христосъ заповѣдалъ: *иже аще не пріиметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ дому, или изъ града того, отрясите прахъ ногъ вашихъ. Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже*

граду тому (Матѳ. 10, 14—15). Извѣстна заповѣдь Христа всякому Его послѣдователю, какъ и всей церкви: *если согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой*, дѣломъ, словомъ и мыслію, *иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два. Аще ли не послушаетъ ихъ: повѣждь церкви. Аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*, какъ отверженный (Матѳ. 18, 15—17). Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ отвергать не только тѣхъ, которые, смущая вѣрныхъ, хотятъ превратить благовѣствованіе Христово и проповѣдуютъ иное благовѣствованіе, но даже тѣхъ, которые проповѣдуютъ больше, чѣмъ преподано истинными апостолами Христовыми: *аще мы сами, или даже Ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ*,—что и подтверждаетъ повторяя: *якоже предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю: аще кто благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 7—9). А святый Іоаннъ Богословъ изрекаетъ подобное прещеніе какъ на того, кто приложитъ къ словесамъ благовѣстія пророковъ и апостоловъ и самаго Господа нашего Іисуса Христа, такъ и на того, кто отыметъ отъ словесъ ученія ихъ, запрещая не только прибавлять что-либо къ богооткровенному ученію, но и убавлять отъ него (Апок. 22, 18—19), внушая прерывать не только церковное, но и всякое житейское общеніе съ человѣкомъ, иже приходитъ къ намъ и Христова ученія не приноситъ (2 Іоан. 9—11). Потому-то всѣ апостолы, оставившіе намъ свои писанія, каковы св. апостолы Іаковъ, Петръ, Іоаннъ,

Іуда изрекаютъ тяжкія прещенія на нечестивцевъ, еретиковъ, лжеучителей, лжеапостоловъ, антихристовъ своего и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. А св. Павелъ изрекаетъ на современныхъ ему лжеапостоловъ, противниковъ Христовыхъ, прямо и буквально анаѳему: аниѳема да будетъ!

Можетъ-ли церковь примѣнять къ противляющимся ей другія мѣры наказанія?—Можетъ, начиная съ каръ небесныхъ загробныхъ. Христосъ Господь внушаетъ своимъ проповѣдникамъ апостоламъ отрясти прахъ ногъ своихъ отъ дома или града, въ которомъ не примутъ ихъ, проповѣдниковъ, и прибавляетъ угрозу своего божественнаго суда: *аминь глаголю вамъ, отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, нежели граду тому*. Своей церкви предоставилъ Господь власть и силу разрѣшать на землѣ каждаго для неба и вѣчной жизни и вязать на смерть вѣчную. Извѣстно, что древняя ветхозавѣтная церковь казнила и временною смертію, пока состояла въ неразрывной связи съ государствомъ, точнѣе, пока составляла неразрывное единство съ государствомъ и совершала сама собою всѣ собственно государственныя отправленія, что творила, какъ въ патріархальный свой періодъ (Быт. 31, 32; 38, 24), такъ и въ подзаконный, пока не пришелъ уреченный часъ для ветхозавѣтной церкви, съ ея кровавыми приношеніями и казнями, уступить свое мѣсто церкви новозавѣтной, съ ея безкровною жертвою и безкровными же взысканіями. Какъ разъ ко времени пришествія Христова на землю, у Іудейской, отпадавшей отъ истины Божіей, церкви право казнить смертію отняли покорители Іудеевъ Римляне (Іоан. 18, 31).

Священнослужителямъ же своей новозавѣтной церкви ея Основатель запретилъ проливать кровь, сказавъ Петру: *вложи ножъ твой въ ножны*, такъ какъ царство Христово не отъ міра сего, и ближайшіе слуги его не могутъ оборонять его мечами. По чину православной церкви, священнослужители, приносящіе безкровную жертву, никогда и не проливали крови оружіемъ. Таковъ исконный духъ истинной православной церкви Христовой. Тѣмъ не менѣе въ священной новозавѣтной исторіи мы имѣемъ два или три факта чудеснаго наказанія Божія за нечестіе, наказанія тѣлесною смертію и слѣпотою. Такъ св. апостолъ Петръ казнилъ смертію Ананію и Сапфиру, какъ по преданію казнилъ и Симона Волхва. Св. апостолъ Павелъ казнилъ слѣпотою Эллиму Волхва. Въ церковной же исторіи мы имѣемъ не мало примѣровъ явнаго, чудеснаго, тѣлеснаго пораженія нечестивцевъ за нечестіе мысли, слова и дѣла. Но обыкновенной смертной казни или тѣлесной пыткѣ православная церковь сама собой никогда никого не подвергала. Тѣмъ не менѣе, согласно заповѣди самого же Христа воздавать Кесарево Кесарю и по внушенію св. апостола Павла воздавать всѣмъ должное — налоги, дани, честь и страхъ предержащимъ властямъ, которыя отъ Бога же вооружены и мечемъ на страхъ злодѣямъ, въ защиту благотворцевъ, ко благу человѣческихъ обществъ, церковь Христова не воспрещаетъ употреблять оружіе государству, тѣмъ болѣе, что государство исполняетъ цѣлую внѣшнюю половину того же служенія Богу и человѣчеству, какое нѣкогда несла сама же церковь до выдѣленія изъ нея государства.

Въ центральной части историческаго человѣчества, точнѣе сказать, въ средѣ историческаго человѣчества, первоначальное государство дѣйствительно выдѣлилось изъ церкви, по крайней мѣрѣ выдѣлилось изъ того единаго источника и русла, изъ котораго проистекла и церковь. Несомнѣнно, что первобытное государство образовалось изъ семейной и родовой общины, связанной, кромѣ узъ родства плотскаго, узами родства и духовнаго, скрѣпляемаго единствомъ вѣры въ Бога и въ святость родоваго начала. Такъ вотъ патріархъ Авраамъ, онъ отецъ и родоначальникъ и владыка въ семьѣ надъ чадами и домочадцами, онъ же и священникъ, приносящій жертву, онъ же и вождь семейнаго воинства. Онъ съ 300 домочадцевъ воюетъ съ пятью сосѣдними, подобными ему, царями и побѣждаетъ ихъ. Когда возвращался онъ съ побѣды, его встрѣчаетъ подобный же ему царь Салима, Мельхиседекъ, священникъ Бога Вышняго (Быт. гл. 14). Такой же царь былъ и патріархъ Іовъ, онъ же и жрецъ; таковы же и друзья его цари (Іова 1, 5; 48, 17). Безспорно, что въ первобытныхъ государствахъ, какъ застаетъ ихъ ясная исторія, религіозныя учрежденія преобладали надъ гражданскими, жреческое сословіе имѣло руководящее значеніе, сами цари любили являться въ священномъ ореолѣ ближайшихъ слугъ Божіихъ, вѣстниковъ воли Божіей для подвластныхъ; а все это наводитъ на мысль, что не только патріархальныя хананскія царства, но и другія, напр. въ Индіи, Египтѣ, Средней Азіи, Элладѣ, въ Италіи, всѣ первоначально произошли и развились изъ семейныхъ и

родовыхъ союзовъ, скрѣпленныхъ преданіями единой вѣры, т. е. изъ церковно-религіозныхъ союзовъ.

Уже отсюда видно, что государственный союзъ такъ же возникъ по волѣ Божіей, какъ и союзы церковно-религіозные, родовые и семейные. Сверхъ того, по божественному откровенію, подкрѣпляемому народными преданіями, мы знаемъ, что самъ Промыслъ Божій разсѣялъ народы во всѣ концы земли изъ западной Азіи, отъ Арарата, какъ центра, послѣ Вавилонскаго смѣшенія языковъ, во всѣ концы земли, въ среднюю Азію, въ Индію, въ Египетъ, въ Европу изъ за Каспійскаго и Евксинскаго морей. По изреченію Боговидца Моусея мы знаемъ, что Богъ поставилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ. По слову Спасителя, къ каждому человѣку приставленъ особый ангелъ хранитель; а по Апокалипсису мы знаемъ, что особые ангелы хранители поставлены надъ разными частями и стихіями міра, надъ царствами и народами, надъ городами и особыми церквами. По слову св. апостола Павла, Богъ, сотворивъ отъ единыя крове весь родъ человѣческій и предназначивъ жить ему по всему лицу земному, самъ уставилъ предучиненныя времена и предѣлы селенія народовъ, сколько времени и въ какихъ пространствахъ какому народу жить, указавъ цѣль жизни всякому народу— взыскати Господа. Вообще же кто вѣритъ въ живаго Бога, тотъ не можетъ не вѣрить и во вседержительный Промыслъ Божій, управляющій народами и царствами.

Благотворно-ли раздѣленіе человѣчества на народы и царства?—Суетный вопросъ суемудрія, рав-

няющійся вопросу: благотворно-ли творческое раздѣленіе земнаго шара на моря и сушу, на такія-то горы и долины, поля и безплодныя степи, которыя, по нашему расчету, можно бы раскинуть и съ большею пользою для человѣчества. Суетный вопросъ, когда все это раздѣленіе какъ земнаго шара на его части, такъ и всего человѣчества также на его части, проистекло изъ творческой-вседержительной и промыслительной воли Божіей. Проистекло изъ воли Божіей, значитъ, и необходимо и естественно, а въ конечныхъ промыслительныхъ цѣляхъ и благотворно для человѣка. Самое покореніе однихъ племенъ другими и образованіе изъ нихъ большихъ царствъ благотворно же, потому что безъ сомнѣнія направлено Промысломъ, не хотящимъ смерти грѣшника, ко благу не только покорителей, но и самихъ покоренныхъ. Божественное откровеніе не только показываетъ намъ, что раздѣленіе человѣчества на царства и народы входитъ въ планъ божественнаго домостроительства, но частію проясняетъ и смыслъ этого плана. Такъ когда, посредствомъ плотскихъ союзовъ въ человѣчествѣ допотопномъ, сыны человѣческіе, потомки Каина, слились съ сынами Божіими изъ избраннаго потомства Сиѳова, тогда Богъ нашелъ нужнымъ допотопный человѣческій родъ истребить, какъ растлѣнный и неспособный къ истинно-человѣческой духовной жизни. Человѣчество послѣ-потопное, сосредоточиваемое Немвродомъ и преемниками его, первыми въ исторіи властителями, около Вавилона, также быстро стало забывать

истиннаго Бога, и всецѣло погружаться не только въ земныя заботы, необходимыя для жизни, но и въ цѣлыя предпріятія нелѣпой гордыни, каково построеніе до неба Вавилонской башни. Тогда Господь наказалъ людей, какъ и спасъ ихъ отъ полнѣйшаго, въ скученномъ состояніи, быстраго растлѣнія смѣшеніемъ языковъ и разсѣяніемъ по всѣмъ концамъ міра. Когда средне-азійское человѣчество, скученное около того же Вавилона, стало и послѣ разсѣянія народовъ быстро погружаться въ язычество и идолопоклонство, Богъ, для спасенія на землѣ истиннаго богопочтенія, нашелъ нужнымъ выдѣлить Авраама и родъ его изъ всего человѣчества на служеніе себѣ, единому истинному Богу. Когда и родъ Авраамовъ, подавленный и развращаемый египетскимъ рабствомъ, сталъ заражаться и египетскими суевѣріями, тогда Господь вывелъ Израильтянъ изъ Египта рукою крѣпкою, страшными казнями на Египтянъ, и ввелъ въ землю обѣтованную, заповѣдавъ истребить тамъ всѣ хананскіе народы и не сообщаться съ ними ни семейными союзами, ни обычаями, ни тѣмъ болѣе вѣрою. Божій Промыслъ рѣшилъ лучше сдѣлать Израиля ненавистнымъ для всѣхъ окрестныхъ народовъ, чѣмъ не сберечь его отъ смѣшенія съ другими народами, и вѣру его отъ смѣшенія съ повсюднымъ идолопоклонствомъ. Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что Богъ уставилъ предучиненныя времена и предѣлы народовъ для того, чтобъ они *взыскали Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща.* Да, нигдѣ такъ ощутительно нельзя обрѣтать, хотя

и недалече отъ насъ сущаго, но закрытаго отъ насъ нашею грѣховностію и житейскою суетностію, Бога, какъ въ судьбахъ собственнаго народа и отечества: *о Немъ бо*, о Богѣ нашемъ, *мы живемъ и движемся и есмы*; о Немъ и побораемъ враговъ нашихъ и устрояемъ временное свое счастіе и душевное спасеніе. И нигдѣ это такъ не видно для внимательныхъ, какъ въ отечественной исторіи.

Отсюда патріотизмъ, какъ естественнѣйшая и священнѣйшая обязанность. Патріотизмъ есть любовь къ отечеству, покорность ему и вѣрность даже до смерти, до пролитія крови. Отечество потому такъ и называется, что оно каждаго изъ насъ родило и воспитало; потому что заключаетъ въ себѣ всю совокупность нашихъ отцовъ, какъ живыхъ пока еще, такъ и отшедшихъ уже въ вѣчность, которые своею вѣрою и любовію, своею преданностію тому же отечеству до смерти, своими клятвами и завѣтами своимъ потомкамъ, основали и утвердили и намъ на вѣчное храненіе завѣщали то же отечество; потому что оно сдерживается, движется на своемъ основаніи и управляется, какъ главою, отцомъ отечества, прямымъ потомкомъ того богоизбраннаго рода, которому Промыслъ Божій, своимъ исключительнымъ избраніемъ, вручилъ главенство между первѣйшими родами, основавшими государство, и ввѣрилъ судьбы народа, закрѣпленнаго за царствомъ и царемъ вольными на вѣрность ему клятвами многихъ поколѣній; того богоизбраннаго рода, который освященъ для своего высшаго призванія вѣковѣчною за него молитвою премногихъ милліоновъ соотечественниковъ живыхъ и въ

горній міръ отшедшихъ; который, въ своихъ богоизбранныхъ первенцахъ, запечатлѣнъ, для исключительнаго служенія цѣлямъ Промысла, печатію дара Духа Святаго, въ священномъ мѵропомазаніи, предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ церкви воинствующей на землѣ и торжествующей въ небесахъ, подъ наитіемъ молитвъ и благословеній какъ той, такъ и другой церкви, на счастье богохранимаго царства, на благо тмы темъ спасающихся въ немъ душъ. Кто изъ смертныхъ на землѣ можетъ быть священнѣе Помазанника Божія, богоизбраннаго Царя? Что неприкосновеннѣе его жизни, съ которою такъ крѣпко связана жизнь всего отечества? Что обязательнѣе богоуставленной и Богомъ благословенной клятвы на вѣрность Царю даже до смерти, до пролитія каждымъ изъ вѣрноподданныхъ собственной крови? Вѣдь проливая кровь нашу за Царя, мы проливаемъ ее за все, что есть для насъ на землѣ самаго священнаго, дорогаго и любезнаго, за вѣру и святыню, за храмы и могилы предковъ, за отцовъ и братьевъ, за женъ и дѣтей, за семейный очагъ и народный укладъ, насъ воспитавшій, питающій и одушевляющій и провожающій въ могилу. А Царь есть высшее священнѣйшее знамя всего дорогаго и любезнаго и священнаго для нашего сердца на нашей родинѣ. Что патріотизмъ будто есть только продуктъ превратнаго воспитанія, что всякое государство основано на насиліи, что всякая власть—насиліе, что законы—насиліе, что отправленіе правосудія — насиліе, что защищеніе отечества оружіемъ—также насиліе,—это есть нечестивое зло-

хулсніе суемудрія, распространяющееся особенно въ послѣднее время, по всей справедливости называемое тяжелымъ и смутнымъ, и именно среди этихъ злосчастныхъ смутъ. Любовь къ отечеству воспитывается школою вѣковъ, вѣковѣчною школою исторіи. Какъ мы видѣли, государственное начало развилось изъ семейнаго, родоваго, церковно-религіознаго. Какъ легко сообразить, отечество разрослось изъ семьи, изъ семей, изъ родовъ болѣе или менѣе отъ одного корня. Между тѣмъ природа учитъ сына любить отца, учитъ внука любить дѣда, учитъ потомство чтить и любить и хранить завѣты родоначальниковъ, поддерживать духъ предковъ, соблюдать ихъ вѣру и священныя преданія и предавать ихъ заботливой любви и береженью своихъ дѣтей и внуковъ. Отсюда любовь къ отечеству. Сынъ, по закону естественному, человѣческому и божественному, покорствуетъ отцу, внукъ дѣду, потомки родоначальникамъ, на—родъ (то, что на—родилось отъ старѣйшихъ) первенствующимъ родамъ, дѣлавшимъ исторію народа; всѣ старѣйшіе и юнѣйшіе, высшіе и низшіе, главенствующему роду, избранному Промысломъ для веденія судебъ государства. Все это установилось само собою, все это вытекло изъ родоваго начала, освящено народною вѣрою, завѣтами и преданіями; все это превратилось въ скрытно лежащій или даже явный и гласный народный договоръ, скрѣпленный общенародною присягою. Вѣдь всякій нарождающійся человѣкъ, сознательно — безсознательно, открыто или подразумѣвательно, но несомнительно, принимаетъ этотъ обще-народный договоръ, когда

ростетъ и воспитывается, живетъ и идетъ въ могилу въ средѣ этого парода. Вѣдь всякій больше или меньше воленъ, какъ и распространители суемудрія, какъ напр. графъ Левъ Толстой, волснъ же пойти на границу и за границу Монголо-Манчжурскихъ степей, оставивъ сзади за собою все, до послѣдней срачицы, всуе данное ему до сихъ поръ народомъ, который налагаетъ на его личную волю будто бы насиліе своей собирательной воли. Вѣдь всякая присяга на вѣрность Государю есть свободнѣйшее и святѣйшее проявленіе воли каждаго вѣрноподданнаго, воли, во свидѣтеля которой онъ, предъ лицемъ всего міра, предъ лицемъ церкви земной и небесной, призываетъ сердцевѣдца Бога; а обще-пародная присяга есть святѣйшее выраженіе обще-народнаго договора, въ святость котораго народъ выражаетъ въ храмѣ Господнемъ свою вѣру и обѣтъ вѣрности и во свидѣтеля своей совѣсти призываетъ того же сердцевѣдца Бога, предъ лицемъ той же церкви земной и небесной. Посмотрѣлъ бы Левъ Толстой, прислушалсл бы русскимъ сердцемъ, если таковое у него не совсѣмъ высохло, къ обще-народному русскому сердцу, съ какимъ восторгомъ, подымая свои рученки къ небу, присягали малыя дѣти, по убіеніи Александра II, на вѣрность его сыну Александру III. Нѣтъ, это не насиліе. Послушалъ бы онъ, русскій графъ Левъ Толстой, какъ разсуждали тогда объ убійцахъ мученика Царя, вообще о бунтовщикахъ противъ русскаго Царя, провозглашающихъ царскую власть насиліемъ, всѣ добрые русскіе люди. Такъ это не насиліе, а это обще-народный договоръ и приго-

воръ. Это обще-народный духъ, народная душа. И только дряблость нѣкоторыхъ круговъ терпитъ подобныя неслыханныя отъ начала міра хулы на законность богопоставленной власти, такъ какъ безъ власти нѣтъ народной жизни, безъ власти народная смерть.

Но присяга на вѣрность государственной власти ведетъ къ убійствамъ враговъ народа, внѣшнихъ и внутреннихъ. Вѣдь всѣ народы братья. Вѣрно. Богу угодно, чтобы я любилъ ближняго, какъ самого себя. Но Богу же угодно было дать такой естественный законъ, что *никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю.* Богу же угодно, чтобы каждый любилъ и берегъ своихъ родителей, жену, дѣтей, братьевъ больше, чѣмъ чужихъ. По апостолу Павлу, *кто о присныхъ не-радитъ, тотъ вѣры отвергся и невѣрнаго горшій естъ.* Притчею о милосердомъ Самарянинѣ Христосъ поучаетъ, что ближній человѣку всякій другой человѣкъ, не смотря на принадлежность къ своему ли, къ чужому ли племени и народу; однакоже ближній для меня по преимуществу тотъ, кто сотворилъ милость со мною, какъ Самарянинъ съ израненнымъ Евреемъ, кто обязалъ меня признательностью и взаимностію. Кто творитъ мнѣ добро, тому я обязанъ большею любовью и признательностью. Къ своему присному я обязанъ большею привязанностью, чѣмъ къ чужому. Всякій русскій, съ которымъ поставила меня судьба въ родственно-народныя сношенія, долженъ быть ближе для меня, чѣмъ Китаецъ, или Ново-зеландецъ, или Нубіецъ, или Патагонецъ, съ которыми я никогда не ви-

жусь и никакъ не соприкасаюсь. Христосъ запрещаетъ убійство, запрещаетъ войну? Убійство—да, запрещаетъ, но войну нигдѣ не запрещаетъ, какъ не запрещаетъ атмосферныя бури, изверженія вулкановъ, землетрясенія или наводненія. Это зло, но міровое, неотвратимое. *Егда услышите брани и слышанія бранемъ, зрите, не ужасайтеся.* По слову Христову, брани будутъ до кончины міра, если не отъ насъ, учениковъ Христовыхъ, то на насъ отъ враговъ Христовыхъ, какъ напоръ злыхъ стихійныхъ силъ. Всѣ коварные толки враговъ Христовыхъ о томъ, что Христосъ не велѣлъ воевать, сводятся лишь къ тому коварному выводу, что вѣрные Христу не должны отражать нападенія враговъ, а должны отдать на ихъ полную волю себя и своихъ дряхлыхъ отцовъ, слабыхъ женъ и малыхъ дѣтей, на опозореніе и искорененіе рода нашего, отдать свои храмы на раззореніе, свою святыню на поруганіе, свою святую вѣру на попраніе, свою народную честь на злорадное посмѣяніе, на втоптаніе въ грязь. И блистательный примѣръ этому австралійскіе островитяне, которыхъ бѣлая англосаксонская раса забрала въ свои руки, ограбила и мало по малу извела до конца. Да примѣръ тому и всѣ коренные Американцы, теперь почти совсѣмъ искорененные бѣлою европейскою расой.

Христосъ не велѣлъ убивать даже преступниковъ, напримѣръ блудницу, ятую въ прелюбодѣяніи? Когда Пилатъ сказалъ Христу: *не вѣси ли, яко власть имамъ распяти Тя и власть имамъ пустити Тя?* Христосъ ему отвѣтствуетъ: *не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше.* Не

имѣлъ Пилатъ власти надъ духомъ Христовымъ, потому что духъ человѣческій всегда принадлежитъ только тому, иже даде его, т. е. Богу; не имѣлъ и надъ жизнью Христовою, по-скольку Христосъ не совершилъ преступленія достойнаго смерти. Тѣмъ не менѣе Пилату, его политическимъ расчетамъ и страхамъ собственнаго самосбереженья,попущено было свыше исполнить планъ Божія домостроительства— убить Іисуса. Не будь на своемъ мѣстѣ Пилатъ, былъ бы на его мѣстѣ другой, а судьба Божія совершилась бы неотложно. Но Пилатъ оказался предъ Богомъ и совѣстью нечистъ въ томъ, что, имѣя отъ Бога власть и распяти и пустити, и самъ сознавая эту власть, согласился распять неповиннаго. Воины же, исполнители казни надъ Христомъ, оказались нечисты предъ Богомъ и совѣстью тѣмъ, что присоединили къ казни неповиннаго злорадство, издѣвательства, истязанія, но и они были неповинны за исполненіе повелѣнной казни. Вообще-же у Христа въ евангеліяхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни тѣни осужденія на отправленіе правосудія; видимъ укоры только на судей неправедныхъ. Блудницу Христосъ не повелѣлъ казнить именно потому, что казнь въ этомъ случаѣ была бы несоразмѣрна проступку, такъ какъ между обличителями грѣшницы не оказалось ни одного достойнаго кинуть въ нее первый камень, напротивъ всѣ они ушли, обличаемые въ совѣсти. Однажды (Лук. 13, 1—5) разсказали Господу Іисусу о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ, повелѣвъ избить ихъ у самаго жертвенника во храмѣ. Разсказчики, очевидно, думали услышать отъ Господа слово осуж-

денія на Пилата и состраданія къ несчастнымъ. Что же Христосъ? Не выразилъ ни того, ни другаго. Іисусъ сказалъ имъ на это: „*думаете ли вы, что эти Галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ Галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ говорю вамъ. Но если не покаетесь, всѣ также погибнете*“. Это значило, что тѣ погибли по своей винѣ за свои грѣхи, а Пилатъ, предавъ ихъ смерти, праведно ли, неправедно ли съ точки зрѣнія человѣческаго правосудія, исполнилъ волю Божію, исполнилъ мѣру правосудія божественнаго. Видимъ мы далѣе, что въ притчахъ своихъ Христосъ сравниваетъ даже своего небеснаго Отца съ правосуднымъ и даже гнѣвнымъ царемъ, который лишаетъ повинныхъ чести и всего достоянія, продастъ жену и дѣтей жестокосердаго заимодавца, ввергаетъ въ темницы и во тьму кромѣшную, избиваетъ убійцъ и градъ ихъ зажигаетъ. Да и самъ Онъ, по страшномъ судѣ, отошлетъ отверженныхъ и проклятыхъ въ геенну огненную, идѣ-же скрежетъ зубовъ, несмолкающій стонъ и вопль муки, идѣ-же червь не умираетъ и огнь не угасаетъ, откуда дымъ и смрадъ мученія грѣшниковъ восходитъ во вѣки вѣковъ... Увы! Правосудіе неумолимое, но правосудіе божественное! Подите, отрицайте его. Отрицая его, вы будете отрицать все евангеліе, все божественное откровеніе.

Такимъ же и еще большимъ безуміемъ было бы сказать, будто бы преступника не должно наказывать не только смертію, но и никакъ. До послѣднихъ дней никто не оспоривалъ у отца естественное право наказать свое дитя, вообще своего семьянина, за проступокъ или преступленіе. Пусть съ

теченіемъ времени это право ограничено законами, но не отнято, какъ совершенно естественное. Отсюда же изъ родоваго права, освященнаго религіею, произошло право и начальниковъ общинъ наказывать общинниковъ за проступки и преступленія. Не только христіанство, но и все человѣчество не знало человѣка безъ свободы воли; не знало закона, какъ случайнаго произвольнаго созданія человѣческаго ума, а не прирожденнаго голоса совѣсти; не знало и преступленія безъ вмѣненія. Христіанство, да и все человѣчество не знало преступленія, которое не было бы болѣзнью души, которое не требовало бы соотвѣтственнаго лекарства и не влекло бы болѣзненныхъ послѣдствій для своего виновника. Отсюда наказаніе, и какъ врачество, и какъ возмездіе за проступокъ, какъ чувствительно непріятное послѣдствіе для виновника, особенно же безчувственнаго. Кромѣ того, никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня право оттолкнуть человѣка, наступившаго мнѣ на больную ногу. Никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня естественное право, проистекающее изъ самаго естественнаго неотвратимаго побужденія, взяться за оружіе, чтобы отразить врага, нападающаго на меня оружіемъ. Но это естественное право самозащиты превращается для меня и въ долгъ, когда я призванъ защищать другаго, когда я отецъ семьи, когда родоначальникъ, когда начальникъ общины, когда я защищаю жену, дѣтей, всякую попранную невинность, всякую угнетенную насиліемъ слабость, или поруганную нахальствомъ святыню. При этомъ врагъ, нападающій оружіемъ и кровопролитіемъ, естественно самъ вызы-

ваетъ противъ себя оружіе и кровопролитіе. Преступникъ, наносящій обиду другому, всячески вызываетъ естественное отраженіе обиды. Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь,—искони вѣка было основой естественнаго правосудія. Можно ограничивать это коренное требованіе правды, можно смягчать, еще лучше возмѣщать чѣмъ либо соотвѣтственнымъ, какимъ либо другимъ, менѣе непоправимымъ и болѣе цѣлесообразнымъ возмездіемъ; но отмѣнить, но уничтожить этотъ прямой голосъ правды никакими умствованіями невозможно. Такъ уже Каинъ, проливший первую неповинную кровь на землю, самъ собой постигъ непреложность этой простой правды, когда выражаетъ опасеніе, что всякій, кто встрѣтится съ нимъ, сочтетъ себя въ правѣ, сочтетъ даже своимъ долгомъ убить и его, Каина, какъ убійцу. Уже тогда изъ глубины его мятущагося духа раздался незаглушимый голосъ совѣсти, читающей написанный огненными литерами на скрижаляхъ сердца приговоръ: кровь за кровь! смерть за смерть! убійство за убійство! съ прибавкою вѣчнаго проклятія на перваго убійцу... На главы народовъ и царствъ, по духу божественнаго откровенія, Промысломъ Божіимъ возложенъ долгъ не только защищать подвластныхъ имъ отъ всякихъ обидъ, но и очищать общества отъ зла, чтобы злодѣйства, привлекающія клятву на земли и народы, въ нихъ не скрывались и не заражали общественный организмъ. *Измите злаго отъ васъ самихъ, Азъ Господь Богъ вашъ*, глаголетъ самъ Господь, повторяясь многократно. *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*,

глаголетъ Господь. Яко судитъ Господь людемъ своимъ (Евр. 10, 30).

Можетъ ли государство казнить, вообще карать общественными карами за убѣжденія совѣсти? Трудный вопросъ, на который исторія дала такой отвѣтъ. До исхода тридцатилѣтней войны, еще ближе—до начала первой французской революціи, всѣ государства считали себя обязанными карать заблужденія, касающіяся цѣлости господствующей вѣры, по праву божественному, по духу божественнаго откровенія, какъ ветхозавѣтнаго, гдѣ такъ много каръ положено было на нечестіе дѣла и мысли, такъ и новозавѣтнаго, которое указываетъ примѣры промыслительныхъ каръ, разразившихся не только надъ духомъ, но и надъ тѣломъ нечестивцевъ, надъ самою ихъ жизнію. Почему въ законодательствѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ, въ самой его основѣ, заложены законы, ограждающіе цѣлость и нерушимость господствующей христіанской вѣры. Но, конечно, къ несчастію народовъ, исторія показала, что писанные законы, ограждающіе цѣлость вѣры, способны терять силу и удобоприменимость, когда падаетъ религіозный духъ народовъ. Паденіе народнаго духа и основанной на немъ силы законовъ есть всегда роковой признакъ для жизни народовъ. Свидѣтельница этому непререкаемая — та же исторія народовъ. Такъ, пока былъ крѣпокъ религіозный духъ греко-римскаго міра, этотъ міръ росъ и мужалъ и поборалъ весь міръ. Но когда потухъ этотъ духъ, тогда самый народъ римскій сталъ гнить и разлагаться. И великій Константинъ тѣмъ между прочимъ и великъ.

что проникъ своимъ государственнымъ умомъ, руководимымъ и небесными знаменіями, что на гнилomъ основаніи римско-языческаго духа, лежащей въ его основѣ языческой религіи и вытекшихъ изъ него законовъ уже нельзя созидать счастіе подвластныхъ Риму народовъ. Оттого Константинъ и сталъ христіаниномъ и основателемъ новаго Рима, новой имперіи, просуществовавшей съ тѣхъ поръ еще цѣлое тысячелѣтіе, хотя и среди непрестанной борьбы съ врагами. Какъ въ Греціи, такъ и въ нашемъ отечествѣ православная восточная церковь сочувствовала не карамъ противъ иновѣрія и инославія, а духу народа, крѣпко охранявшему цѣлость единой истинной Христовой вѣры. Какъ въ византійской имперіи, какъ и въ русскомъ государствѣ бывали только попытки преодолѣть ново-возникавшее суемудріе и извращеніе вѣры общественными карами. Въ византійской, какъ и въ древне-римской имперіи, церковь не столько поощряла это направленіе государственной власти, сколько страдала отъ него сама, въ римской имперіи отъ императоровъ язычниковъ, а въ византійской отъ императоровъ еретиковъ; почему церковь всегда настаивала на свободѣ совѣсти противъ насилія государственной власти для себя. А настаивая для себя, вмѣстѣ съ тѣмъ сама же отстаивала свободу совѣсти въ дѣлѣ вѣры и для другихъ. Усвоять православной церкви крайности западно-латинской церкви въ преслѣдованіяхъ за вѣру,—это величайшая историческая неправда. Сама же латинская церковь, испробовавъ всѣ крайне жестокія мѣры для подавленія свободомыслія и ересей, своимъ поразительнымъ примѣ-

ромъ и доказала, что эти мѣры не только безплодны, но и вредны для самой церкви, не касаясь уже того, что несогласны съ духомъ Христовымъ, съ духомъ Новаго завѣта, который выразился между прочимъ въ притчѣ Господней о плевелахъ: *ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставите обое расти купно до жатвы...* Латинская церковь много погрѣшила противъ этой заповѣди Господней, сколько кроткой, столько жъ и божественно-мудрой и предусмотрительной. За то-жъ она и наказана отпаденіемъ цѣлой своей половины въ реформацію.

Потому то въ нашемъ россійскомъ государствѣ никогда не было и нѣтъ гоненій на чужія вѣры, на язычниковъ, евреевъ, магометанъ, римскихъ католиковъ, протестантовъ. Даже противъ своихъ собственныхъ разномыслящихъ, которые разновременно возникали изъ нѣдръ собственно русскаго православнаго люда, были только попытки вразумленія карательными мѣрами, да и тѣхъ было почти только двѣ, одна противъ еврействующихъ еретиковъ въ древней Руси, а другая противъ раскольниковъ. Первая привела къ преслѣдуемой цѣли, по неуглубленности въ русскомъ духѣ еврействующаго лжеученія. Послѣдняя же, увы! только отдалила отъ цѣли. И пришли какъ церковь, такъ и государство къ убѣжденію, что карательныя мѣры вразумленія въ дѣлахъ вѣры, при всей своей законности, основываясь даже на самыхъ коренныхъ государственныхъ законахъ, не цѣлесообразны. По крайней мѣрѣ, не цѣлесообразны при современномъ направленіи какъ обще-народнаго нашего, такъ и обще-

европейскаго, такъ и обще-человѣческаго духа. Духъ этотъ, увы! развивается по крайней мѣрѣ, въ особо культурномъ христіанскомъ мірѣ, въ особо культурныхъ кругахъ, въ анти-религіозномъ направленіи.

Благо или зло—развитіе духа человѣческаго въ направленіи анти-религіозномъ? Для христіанскаго міра, для русскаго царства—безспорное зло. Окиньте взоромъ кругомъ и около всю арену, на которой живетъ и движется человѣчество. Какіе народы стоятъ прочно? Вотъ вѣрный своимъ народнымъ преданіямъ Китай простоялъ тысячелѣтія. Вотъ вѣрный религіозному духу отцовъ Индостанъ простоялъ тысячелѣтія и стоитъ, упорно не поддаваясь преодолѣвающему политическому и военному преобладанію своихъ христіанскихъ завоевателей. Вотъ упорно держащійся своего корана и пророка, крѣпнетъ и растетъ, безъ усилій пріобрѣтая милліоны прозелитовъ, міръ магометанскій, питая въ себѣ не шуточную угрозу противъ міра христіанскаго. Между тѣмъ и магометане вырождаются въ тѣхъ странахъ, гдѣ заражаются европейскою культурой. Особенно же поразительное зрѣлище: вотъ еврейскій міръ, вѣрный до смерти закону Моусея, истолкованному талмудомъ, не смотря на неизмѣримую громаду гоненій, законныхъ и беззаконныхъ со стороны христіанъ, мѣрно, но вѣрно силится покорить себѣ все христіанское человѣчество, преспокойно загребая въ свои сокровищницы все золото земли, все богатство народовъ, весь плодъ потоваго труда всего человѣчества, всѣ номинальные знаки всѣхъ цѣнностей всего міра. Американскія свободолюбивыя государства, свободомысленныя по про-

исхожденію, только вчерашнія; они никому еще не могутъ преподать историческаго примѣра и урока. Мы видѣли, что громаднѣйшее изъ нихъ чуть не развалилось въ наши дни отъ одной междоусобной войны. Мы видимъ, что среди европейскаго человѣчества гордо выситъ уязвимую, но несокрушимую голову соціалистическій анархизмъ. Мы видимъ и слышимъ, увы, что и въ нашемъ отечествѣ хульники, отважно возставшіе на Бога отцовъ своихъ, возстали и на Христа Его. Мы давно твердили, что одно съ другимъ здѣсь тѣсно связано. Намъ не вѣрили. Теперь увѣрились. Люди русскіе, враждебные уже полтора вѣка вѣрѣ и вѣрности отцовъ, надѣвавшіе однако же личину любезности и низкопоклонства предъ попускавшею, иногда даже потакавшею имъ властію, теперь снимаютъ свою личину... Теперь они то явные, то больше скрытные враги, противъ которыхъ сила безсильна. Теперь они сами сила, несокрушимая въ своей неуловимости, и имя имъ, увы, не легіонъ-ли?! яко бѣси мнози внидоша въ онь. Теперь они взываютъ къ перевороту у насъ, какъ и въ Европѣ. И не чувствуется-ли, что этотъ переворотъ стучится у воротъ, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ Европы—во Франціи, въ Германіи, въ Англіи? Столѣтіе французской революціи пока еще не исполнилось, исполнится только въ 1889 году.

Только этимъ разложеніемъ христіанскаго духа и укрѣпленіемъ анти-христіанскаго можно объяснить отвагу, съ какою поклоняемый у нѣкоторыхъ нашихъ анти-христіанскій авторитетъ шумитъ, выражая изумленіе по тому поводу, что „люди хлопочутъ,

чтобъ другіе пользовались непремѣнно этой, а не иной формой откровенія"; что „требуютъ, чтобы всѣ вѣрили какъ они"; что „вѣръ цѣлыя сотни, а каждая домогается того же, что составляетъ очевидную поразительную безсмыслицу"; что „вѣра есть отношеніе съ Богомъ, устанавливаемое каждымъ человѣкомъ,—каждый самъ собою устанавливаетъ свое отношеніе къ Богу; онъ знаетъ истину истинъ, какъ и я знаю истину истинъ; выраженіе ихъ можетъ быть различно, сущность ихъ должна быть одна и та же; почему и учить вѣрѣ нельзя, а можно только обману вѣры; заставить другаго измѣнить его вѣру я не могу ни насиліемъ, ни хитростію, ни обманомъ, такъ какъ нельзя ничѣмъ заставить человѣка вѣрить въ то, во что онъ не вѣритъ; люди навязываютъ другимъ подобіе вѣры, т. е. обманъ вѣры; вѣра не можетъ быть принимаема ради чего-нибудь—насилія, обмана, или выгоды, а потому это не вѣра, а обманъ вѣры" и т. п.

Помутившійся въ умѣ человѣкъ бредитъ, а его слушаютъ не только хладнокровно, но нѣкоторые и подобострастно. Онъ говоритъ противъ психологіи и всяческой логики, противъ исторіи и ежедневнаго опыта, и предъ нимъ преклоняются. Вопреки логикѣ и психологіи, онъ смѣшиваетъ вѣру, какъ убѣжденіе, какъ душевное состояніе, съ вѣрою, какъ ея содержаніемъ, въ которое человѣкъ вѣритъ. Смѣшиваетъ, выражаясь философскимъ языкомъ, субъективную, личную сторону вѣры съ объективною, предметною стороною той же вѣры, и употребляетъ одно понятіе вмѣсто другаго. Противъ исторіи, противъ опыта, противъ здраваго смысла

говоритъ, что учить вѣрѣ нельзя. Отчего же? Учатъ же вѣрѣ, и какъ убѣжденію, и какъ содержанію вѣры, учатъ, что должно вѣровать, какъ и во что вѣровать, дѣтей, простецовъ, дикарей, учатъ всѣхъ. Всякій въ дѣтствѣ своемъ все принимаетъ на вѣру. Скажи ребенку благоговѣйно и разумно, во что и какъ онъ долженъ вѣровать, и онъ будетъ вѣровать въ то, и такъ всю свою жизнь. Каждый самъ собою устанавливаетъ свое отношеніе къ Богу,—гдѣ же это видано? Если рѣчь идетъ о томъ, чему и какъ человѣкъ долженъ вѣровать о Богѣ, то этому учатъ обыкновенно всѣхъ и каждаго другіе. А затѣмъ, конечно, каждый устанавливаетъ свое внутреннѣйшее отношеніе къ Богу во внутреннѣйшемъ, недоступномъ для другаго человѣка, святилищѣ своей души. Но каждому же во всякомъ обществѣ помогаютъ въ этомъ направленіи и другіе, старѣйшіе, опытнѣйшіе, святѣйшіе. И до сихъ поръ исторія пока еще не знала мало-мальски культированнаго общества, въ которомъ старѣйшіе не помогали бы юнѣйшимъ устанавливать свои отношенія къ Богу посредствомъ ученія и руководства, посредствомъ религіозныхъ и общественныхъ учрежденій. Новѣйшему лжеучителю этотъ общій въ человѣческомъ родѣ порядокъ, конечно, не нравится. Но такой порядокъ былъ, есть и, конечно, всегда будетъ. Нельзя отнять вѣру у другаго? Нельзя. Нельзя заставить его вѣрить въ то, во что онъ не вѣритъ? Нельзя. Но можно перемѣнить и обыкновенно перемѣняютъ вѣру другихъ убѣжденіемъ. Напримѣръ, дикарь обмазываетъ сметаною губы идола, думая угодить ему; древній эллинъ приносилъ студныя жертвы

Пріапу, Венерѣ, противоестественному сладострастнику Юпитеру; древній Финикіецъ или Карѳагенянинъ сожигали разомъ цѣлыя сотни своихъ дѣтей кровожадному Молоху. И всѣмъ этимъ безумцамъ растолковано, чему они и повѣрили, что дѣлать такъ не годится, что единый истинный всесвятый Богъ безконечно выше свирѣпаго Молоха, легкомысленнаго блудливаго Юпитера и ничтожнаго сибирскаго какого-либо бурхана. „Люди безъ вѣры, посредствомъ наученія или насилія, посредствомъ хитрости или обмана, принимаютъ не вѣру, а подобіе вѣры, или обманъ вѣры". Допустимъ даже и нѣкоторую долю принужденія, хотя въ дѣлѣ присоединенія къ вѣрѣ всякій здравомысленный, ревнующій о благѣ и чести своей церкви, ревнующій о славѣ Божіей и пользѣ присоединяемыхъ, всякій здравомысленный проповѣдникъ постарается всячески избѣжать всего предосудительнаго. По крайней мѣрѣ наша истинно-православная церковь никогда не поощряла, въ распространеніи вѣры Христовой, ни хитростей, ни обмановъ, ни насилій Но что же бываетъ? Человѣкъ, перемѣнившій свою вѣру по убѣжденію, иногда даже при нѣкоторой долѣ и принужденія, впослѣдствіи становится самымъ горячимъ прозелитомъ. Развѣ самъ апостолъ Павелъ покорился Христу не по особому промыслительному принужденію? А между тѣмъ сталъ апостолъ Павелъ! Бываетъ, что люди, принявшіе вѣру по какимъ-либо расчетамъ, впослѣдствіи показываютъ и сами приверженность къ новой вѣрѣ самую неуклонную, а въ дѣтяхъ своихъ воспитываютъ самыхъ искреннихъ прозелитовъ, такъ-что

въ первомъ, второмъ поколѣніи потомство ихъ совершенно перерождается.

„Странно, что люди хлопочутъ навязать другимъ свою вѣру, чтобы другіе пользовались именно этой, а не иной формой откровенія, что́, будто бы, составляетъ очевидную, поразительную безсмыслицу". Очевидная поразительная безсмыслица заключается здѣсь не въ этой будто бы странности, что люди хлопочутъ объ этомъ, а въ томъ, что человѣкъ, мнящій себя не только мыслящимъ, но и христіански мыслящимъ, видитъ въ этомъ странность. Святые апостолы, первые христіанскіе проповѣдники видѣли, напр., что ихъ образованные современники продолжаютъ еще приносить свои студныя жертвы Пріапу и Венерѣ, или кровавыя жертвы Молоху, видѣли и внушали свое христіанское евангеліе. Значитъ, это они странно поступали?! Нынѣшній сибирскій миссіонеръ видитъ, что полудикарь-инородецъ сегодня намазываетъ своему бурхану губы сметаною, съ поклономъ, а завтра того же бурхана сѣчетъ съ азартомъ розгами. Миссіонеръ внушаетъ полудикарю святое евангеліе Христово, — это онъ странно же поступаетъ?! Католическій миссіонеръ видитъ, что островитянинъ-австраліецъ, или первобытный американецъ сожигаетъ въ жертву богамъ человѣка, а потомъ самъ доѣдаетъ его въ религіозномъ пиршествѣ. Миссіонеръ раскрываетъ этому людоѣду Христово евангеліе, — и онъ странно же поступаетъ?! Вотъ англичане своими законами и казнями запрещаютъ индійцамъ кидаться подъ колесницу своего свирѣпаго бога и гибнуть подъ колесами; а свободомыслящіе сѣверо-американцы вну-

шаютъ мормонамъ Христову заповѣдь одноженства даже посредствомъ пушекъ. Или вотъ наши законы предписываютъ мѣропріятія противъ скопцовъ, въ видахъ огражденія другихъ отъ ихъ изувѣрствъ. И всѣ они стали равно виноваты предъ русскимъ помутившимся лжеучителемъ.

Нашъ лжеучитель „знаетъ истину истинъ“, и скопецъ, или индійскій изувѣръ душитель, или американскій людоѣдъ, знаютъ каждый для себя, свою истину истинъ? Позвольте же. Что эти трое знаютъ не только истину, но даже истину истинъ, въ этомъ мы съ вами не только не сговоримся никогда, но считаемъ излишнимъ и сговариваться. А позвольте васъ спросить самихъ о вашей собственной истинѣ истинъ? Вы не хотите говорить о браминизмѣ, буддизмѣ, конфуціанствѣ, магометанствѣ; вы выставляете исключительно христіанство, какъ „вѣру вамъ извѣстную, нужную и дорогую“. Позвольте же, нельзя-ли опредѣленнѣе. Какое вы христіанство изволите разумѣть? Да. Вамъ угодно разумѣть христіанство безъ догматовъ, съ однимъ нравственнымъ ученіемъ. „Все ученіе христіанское“, по словамъ лжеучителя, „распадается на два отдѣла: ученіе о догматахъ и на нравственное ученіе“; „какъ ни старались“,—по его словамъ,—„учители церкви смѣшивать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались, какъ масло и вода; своими догматами христіане служатъ діаволу, а не Богу; Христосъ прямо говорилъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы“. Начнемъ же съ вопроса, гдѣ Христосъ говорилъ, что Онъ пришелъ разрушить всѣ догматы? Нигдѣ ничего подобнаго Хри-

стосъ не говорилъ; говорилъ совершенно обратное: *не пріидохъ разорити законъ или пророки, но исполнити* (восполнить, довершить); *іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона* (откровенія Божія). Во всѣхъ евангеліяхъ Христосъ разъясняетъ догматы о своемъ Небесномъ Отцѣ, о Божіемъ Промыслѣ, о своемъ божественномъ посланничествѣ, о Святомъ Духѣ и Его дарахъ, о будущей жизни, о своемъ воскресеніи, о страшномъ судѣ, о таинствахъ крещенія и евхаристіи и т. д. Евангеліе же отъ Іоанна все исполнено возвышеннѣйшаго догматическаго богословствованія; почему Іоаннъ и наименованъ Богословомъ. А вѣдь нашъ лжеучитель пользуется евангеліемъ отъ Іоанна, какъ и прочими тремя, т. е. искажаетъ его, какъ и всѣ евангелія. Для лжеучителя, да, „открытъ первый смыслъ евангелія, отрицающаго всякіе догматы“. Точнѣе—открытъ самоизмышленный смыслъ евангелія потому, что лжеучитель самъ сочинилъ евангеліе; а до сихъ поръ, въ продолженіе почти 19 вѣковъ, никто не догадался это сдѣлать. Въ старые годы дѣлали это развѣ Маркіонъ и другіе сумасбродные еретики гностики, которые теперь совсѣмъ забыты, какъ и евангелія ихъ. Догматы христіанства никакъ не вяжутся съ нравственными заповѣдями? Лжеучителю угодно утверждать такой абсурдъ, который никому пока не приходилъ въ голову. Самъ Христосъ Спаситель, во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ, связалъ свое догматическое ученіе съ своимъ нравственнымъ ученіемъ. Кто же посмѣетъ раздѣлить то, что связалъ самъ Христосъ? Посмѣлъ сочинитель новаго еван-

гелія! О, противъ такой дерзости, въ наши дни, силенъ только судъ Божій. Такая дерзость отважится и отважитъ на многое, на все. „Всѣ-ли согласны въ какихъ-бы то ни было догматахъ", спрашиваетъ лжеучитель, и отвѣчаетъ: „нѣтъ. Всѣ-ли согласны въ нравственныхъ правилахъ? Всѣ", отвѣчаетъ. Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, не всѣ согласны и въ нравственныхъ правилахъ. Возьмемъ сущность этихъ правилъ, якобы извлеченныхъ г. Львомъ Толстымъ изъ заповѣдей христіанства. Не противься злому? Съ толкованіемъ этой заповѣди у Льва Толстого несогласны ни православные, ни нигилисты, два противные полюса. Не прелюбодѣйствуй? Съ толкованіемъ его-же, въ смыслѣ принадлежности одного изъ супруговъ на всю жизнь одному мужу или одной женѣ, несогласны ни нигилисты, ни даже православные, у которыхъ разрѣшаются второй и третій браки, разрѣшается бракъ и прелюбодѣямъ до брака. Не клянись? Несогласенъ никто. Не судись? Несогласенъ никто. Зачѣмъ же онъ проповѣдуетъ такія нелѣпости, срамя себя и людей, которые его слушаютъ и слушаются? Возьмемъ заповѣди наиболѣе трогательныя, христіанскія упражненія наиболѣе или возвышенныя или болѣе обычныя, напримѣръ заповѣдь о томъ, чтобы просящему дать, или обѣтъ удаленій въ пустыни для общенія съ Богомъ, или обычай подавать калачи въ острогъ,—заповѣди и упражненія, которыя лжеучитель выставляетъ особенно, настаивая, что относительно нравственнаго ихъ характера согласны всѣ. Нѣтъ, не всѣ согласны. Удалиться въ пустыню, говорятъ, безумно

и противоестественно, противоестественно отымать себя у общества человѣческаго, обрекать свою природу на безплодіе для человѣчества. Подавать просящимъ нужно, говорятъ, не всякому, не всяко; попрошайкамъ, нищимъ по ремеслу, говорятъ, подавать безнравственно. Подавать калачи въ острогъ—нѣтъ, говорятъ, не только не нравственно, но и гибельно для народной нравственности, такъ какъ часто острожники говорятъ, что въ острогѣ кормятъ ихъ такъ, какъ дома не кормятъ и въ свѣтлый день Пасхи. Однимъ словомъ, всякое нравственное правило христіанства подвергалось еще большимъ пререканіямъ, чѣмъ догматъ. Современная же философская мораль отвергаетъ цѣлую, даже большую и высшую, внутреннюю половину евангельскаго нравственнаго ученія объ обязанностяхъ къ Богу и самому себѣ, о внутреннемъ очищеніи духа, о восхожденіи къ Богу, ограничивая долгъ человѣка такъ называемымъ альтруизмомъ, обязанностями человѣка только къ другимъ людямъ: чего не желаешь себѣ, не твори другому, и обратно, что въ исполненіи можетъ быть совершенно безнравственно съ евангельской точки зрѣнія. Лжеучитель провозглашаетъ христіанство безъ догматовъ. А спросимъ: возможно ли какое бы то ни было вѣроученіе безъ догматовъ, напримѣръ даже отрицательное буддійское, даже нигилистическое, даже будто-бы христіанское, а на дѣлѣ антихристіанское ученіе г. Льва Толстого? Вѣдь и у него есть свои догматы: 1) что истинно только его евангеліе; 2) что Іисусъ не Божій сынъ, а простой человѣкъ; 3) что человѣкъ есть сынъ безко-

нечнаго начала, сынъ Отца, но не личнаго Бога, сынъ не плотью, а духомъ; 4) человѣкъ долженъ служить этому началу, Отцу и Богу (неличному) духомъ (не таинствами, не богослуженіемъ, не молитвами); 5) жизнь всѣхъ людей имѣетъ божественное начало, она одна свята; 6) истинная жизнь есть только въ каждый мигъ настоящаго; обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго, т. е. вѣра въ вѣчность личнаго Бога, какъ и надежда на личное безсмертіе, скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго; 7) истинная жизнь есть жизнь настоящаго, общая всѣмъ людямъ, жизнь Сына человѣческаго; и 8) потому живущій въ настоящемъ общей жизнью всѣхъ людей, истинною жизнью Сына человѣческаго, соединяется съ Отцемъ, безличнымъ началомъ и основой всей жизни. Какъ же лжеучитель требуетъ отдѣленія догматовъ въ христіанствѣ истинномъ, когда даже въ ложномъ христіанствѣ г. Льва Толстого измышленная имъ мораль тѣсно сплетена съ измышленными имъ же нелѣпыми догматами, включающими въ себѣ внутреннее противорѣчіе?

И какъ-же это „истина истинъ“ нашего лжеучителя, христіанская „истина истинъ“, столь ему извѣстная, нужная и дорогая, выходитъ у него совершенно согласною съ истиною истинъ русскаго скопца или австралійскаго людоѣда, который съѣдаетъ своего врага, зарѣзаннаго въ жертву богамъ, на религіозномъ пиршествѣ ?! „Выраженіе такихъ разныхъ вѣръ можетъ быть различно“,—увѣряетъ лжеучитель, — „сущность должна быть одна и та же,—мы всѣ люди“. Выраженія вѣры русскаго

скопца, австралійца, американца и индійца-людоѣда уже слишкомъ рѣзки и омерзительны сравнительно съ христіанствомъ. Такъ легко поступается настоящимъ христіанствомъ странный его исповѣдникъ развѣ только потому, что „вѣра его—слова, а не то, чѣмъ онъ живетъ, наростъ, а не сердце“, и даже не наростъ, а блажь, а фальшь, а маска, а удочка для уловленія другихъ. Какимъ-же образомъ возможно въ сердцѣ у человѣка христіанство безъ личнаго Бога, безъ Христа, вѣрующаго въ безсмертіе, безъ безсмертія, безъ признанія и діавола? Чему равняются рѣчи этого неслыханнаго въ мірѣ лицемѣра, что христіане своими „догматами служатъ діаволу, а не Богу“, когда этотъ лицемѣръ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ..? „И дѣйствительно“,—сознается этотъ вредоносный лицемѣръ, — „съ общей точки зрѣнія *всякая вѣра есть обманъ, все это есть суевѣріе*, что и доказываетъ царствующая теперь философія. Глядя съ общей точки зрѣнія, и я“ (лицемѣръ) „*неотразимо пришелъ къ признанію того, что всѣ вѣры—обманы людскіе*“. Вотъ это ясно. Оттого-то у него „ихъ сотни вѣръ“ и всѣ они одинаковы. „*Сущность въ нихъ одна, — суевѣріе, обманъ*“, хотя выраженія и различны по сравнительной тупости обманывающихся и обманывающихъ людей. Оттого христіанинъ-ли, грубѣйшій-ли идолопоклонникъ, людоѣдъ-ли во славу своихъ свирѣпыхъ божествъ, это все у него одно. Оттого-то у него „*истинная вѣра можетъ быть во всѣхъ такъ называемыхъ расколахъ, ересяхъ, но навѣрное не можетъ быть только тамъ, гдѣ она соединена съ государствомъ; явно ложна только госу-*

дарственная вѣра". Но позвольте же, я совершенно охотно, всѣмъ сердцемъ принимаю вѣру истинную государственную, вѣру большинства народа, искренно находя ее лучшею всѣхъ извѣстныхъ мнѣ ересей и расколовъ, какова она и есть, вѣра моихъ отцовъ, вѣра св. отцовъ, св. мучениковъ, св. апостоловъ, самого Христа? Вѣдь моя вѣра въ лучшую изъ вѣръ совершенно искренняя и глубока и пламенна,—почему-жъ это она непремѣнно должна быть ложна?

Извѣстно, съ чего у насъ на Руси пошли и какъ встрѣтились государство и церковь. Послѣднія археологическія изысканія и этнографическія гаданія даютъ понять, что славяне были аборигенами Европы, что они старѣе здѣсь всѣхъ народовъ, бороздившихъ Европу въ знаменитую эпоху переселенія народовъ, что славяне жили въ Европѣ уже за 2000 лѣтъ до Р. Х. Допустимъ. Для насъ это неважно. Важно то, что славяне, въ длинную эпоху своего проживанія въ Европѣ до Рюрика, не выработали изъ себя никакого политическаго строя. Вся народная масса ихъ, нарождаясь отъ семей и родовъ, доросла только до понятія племени, остановившись на раздробленіи племенъ, которыя въ теченіи многихъ вѣковъ не успѣли сростись въ одинъ народъ. Слово народъ употреблялось скорѣе въ смыслѣ небольшой массы народившихся отъ одной семьи или рода въ томъ или другомъ племени, чѣмъ въ смыслѣ народа, какъ совокупности всѣхъ народившихся отъ одного корня славянскихъ племенъ, слившихся въ одно народное тѣло. Такого славянскаго народа тогда никто, ни изъ славянъ,

ни изъ инородцевъ, не видалъ, не слыхалъ и не зналъ. Были новгородцы, полочане, кіевляне, были кривичи, вятичи, лютичи, были и славяне, какъ особое племя. Но никто не зналъ славянскаго народа. Начальники родовъ или городовъ судили и рядили своихъ сродственниковъ посредствомъ рады, круга или вѣча. Но эти круги или вѣча или рады скорѣе раздѣляли племя отъ племени, чѣмъ стягивали ихъ въ одинъ народъ. Ихъ религія, съ ея разрозненною, не установившеюся миѳологіей, безъ всякой попытки сосредоточиться даже около какого-либо трескучаго Перуна, который не имѣлъ даже такого жалкаго отношенія къ прочимъ божествамъ, какъ Зевсъ въ эллинской миѳологіи, религія безъ жреческаго сословія, безъ особо-чтимыхъ святилищъ, безъ грамоты и какого бы то ни было символа, также нимало не сближала племени съ племенемъ. Извѣстно, что любящіе свободу, точнѣе — шатуны номады, чуть-чуть пахари, наши предки, проживъ на своихъ широкихъ земляхъ, можетъ быть, тысячелѣтія, наконецъ надумались отказаться отъ своей свободы, рѣшивъ позвать къ себѣ варяжскихъ князей съ наказомъ: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, придите княжить и володѣть нами“. Зачалось государство. Но и первобытное государство не имѣло ни личнаго, ни земельнаго центра. Рюрикъ обжился было въ Новѣ-городѣ, но Олегъ уже облюбилъ Кіевъ, а Святославъ стремился уже за Дунай въ Болгарію. Самое же важное, Рюрикъ съ братьями принесли съ собою собственно не государственное, а семейное и родовое удѣльное начало, которое должно было скорѣе раздробить,

чѣмъ сплотить русскій народъ. Вотъ тутъ-то и началась благотворная миссія святой православной церкви для русскаго народа и государства.

Не вдаваясь въ подробности, назовемъ существенныя черты этой церковно-государственной миссіи. Православная церковь принесла на Русь изъ православной Византіи идею великаго князя, какъ Богомъ поставленнаго владыки, правителя и верховнаго судіи подвластныхъ народовъ, устранивъ славяно-варяжскую идею князя, какъ старѣйшаго въ родѣ атамана удалой, покоряющей огнемъ, желѣзомъ и дубьемъ дружины. Церковь перенесла на Русь изъ Византіи идею государства, съ устраненіемъ варяжской идеи земли съ народомъ, которую княжескій родъ можетъ дробить безъ конца, какъ удѣльную свою собственность. Церковь утвердила единство народнаго самосознанія, связавъ народы единствомъ вѣры, какъ единокровныхъ, единодушныхъ чадъ единаго Отца небеснаго, призывающихъ Его пренебесное имя на единомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ для всѣхъ словенскихъ племенъ единымъ, роднымъ и священнымъ языкомъ. Церковь создала сперва одно, потомъ другое дорогое для народа святилища, въ Кіевѣ и Москвѣ, закрѣпивъ тамъ своимъ благословеніемъ, своими молитвами, сосредоточеніемъ тамъ высшихъ церковныхъ учрежденій, мѣстопребываніе все-связующей государственной власти. Церковь перенесла на святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины византійскаго царства. Единственно только церковь была собирательницею разрозненныхъ русскихъ княжествъ, раздѣленныхъ еще больше, чѣмъ старин-

ныя племена славянства, удѣльными усобицами. Единственно только церковь спервоначала была собирательницею русскихъ людей, князей, городовъ и земель, раздавленныхъ татарскимъ погромомъ. Церковь выпѣстовала, выростила слабаго московскаго князя сперва до великокняжескаго, а потомъ и до царскаго величія. Пересадивъ и выростивъ на русской землѣ идею византійскаго единовластительства, церковь возложила и св. мvропомазаніе древнихъ православныхъ греческихъ царей на царя Московскаго и всея Руси. Церковь же оберегла народъ и царство и отъ порабощенія игу ляшскому въ годину смутъ самозванцевъ и общаго шатанія умовъ...

Разверзлись хульныя уста того же лжеучителя на почитаніе святыхъ мощей. Подите, кто хочетъ, любопытствующіе изыскатели, посмотрите въ подземельи великой церкви святой Кіево-Печерской лавры, честныя мощи почившаго въ прошломъ столѣтіи святителя Павла, митрополита Тобольскаго, пока еще не причтеннаго къ лику святыхъ. Подите въ разные концы св. Руси, въ которыхъ почтительно хранятся мощи разныхъ святителей, также пока еще не канонизованныхъ. Подумайте, съ какимъ тщательнымъ опасствомъ открывались св. мощи святителей Митрофана Воронежскаго въ запрошлое и Тихона Задонскаго въ прошлое царствованіе. Подумайте, отчего это Богъ хранитъ десятки лѣтъ и вѣка въ нетлѣніи мощи больше монаховъ, всего чаще святителей, и непремѣнно высокой богоугодной жизни. И перестаньте хульники хульничать. Русскій народъ, въ милліонахъ своей непочатой, нерастлѣнной пока Толстовскою культурою средѣ, чутьемъ чуетъ, куда

ему идти на поклоненіе, для назиданія, для подражанія, туда-ли, куда народъ пока еще не ходилъ, гдѣ выжившій изъ ума, всѣмъ отъ пресыщенія наскучившій баринъ, отвергающій Бога и Христа, слѣпя очи слѣпыхъ, балуется, ходя за сохою, или лѣпя печи, или тачая сапоги, или же туда, куда народъ ходитъ тысячу лѣтъ, отъ начала царства и св. вѣры на Руси. въ Кіевъ, въ Москву, въ Троице-Сергіеву лавру, или на Соловки, гдѣ преподобные отцы спасали себя и другихъ, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастѣхъ земли, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ; гдѣ, люди россійскіе, сей простой черный народъ, также въ своей бѣднотѣ и чернотѣ лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и по горамъ, и въ вертепахъ и по пропастямъ земли, видятъ свой собственный идеалъ, чернаго снаружи, но ангельски свѣтлаго въ душѣ человѣка, видятъ звѣзду внутренняго душевнаго счастія, упокоенія въ Богѣ и горней надежды, свою зарю обѣтованнаго вѣчнаго счастія въ небесахъ?! А никакъ не здѣсь, не на земной Толстовской фермѣ... Это вы тутъ деритесь, безъ Бога живаго, безъ живаго Христа, безъ надежды на небо, безъ надежды когда либо даже помириться между собою въ дракѣ изъ-за равнаго для всѣхъ куска хлѣба. Въ чужихъ бо зубахъ ломоть всегда великъ.

Въ послѣднее время въ особенности прославляется любовь къ свободѣ и причисляется къ великимъ заслугамъ того или другаго лица. Любовь къ свободѣ заслуга?! Ее питаетъ хищный волкъ, бѣгущій

въ лѣсъ съ овцою; ее питаетъ собака на привязи, левъ въ клѣткѣ, медвѣдь на цѣпи, питаетъ всякій дикій звѣрь, дикая пташка, рыба, гадина. Любить свободу также естественно, какъ любить поѣсть, попить, поспать. Это любовь чисто животная. Въ чемъ тутъ заслуга человѣка собственно человѣческая? Достойная собственно человѣка заслуга заключается въ любви не къ свободѣ, а наоборотъ, въ любви, въ почтительности, въ благопокорномъ стремленіи къ ограниченію свободы. Любитъ свободу дикарь, который уходитъ въ особую дальнюю берлогу съ своею женою и дѣтенышами, не любя стѣсняться присутствіемъ другихъ, равныхъ или старшихъ. Разумная же общественность немыслима безъ стѣсненія свободы. Была-ли свобода, за которою такъ гоняются дикари, даже въ древней Элладѣ послѣ царей, среди борьбы племенъ, городовъ, маленькихъ республикъ, среди борьбы съ преобладаніемъ мелкихъ тирановъ, съ злоупотребленіями черни? Была-ли въ древнемъ Римѣ, среди подобной же борьбы, отъ послѣдняго царя до Марія и Суллы? Не больше-ли тамъ, въ этихъ республикахъ, было настоящаго рабства и порабощенія, чѣмъ въ монархіяхъ? Вопросъ, что дольше живетъ, что тверже стоитъ, республика, или монархія? Кажется, этотъ принципъ республиканства или монархизма тутъ неприложимъ. Дольше живутъ и крѣпче стоятъ народы: китайскій, индійскій и особенно еврейскій. Скажите же, въ чемъ секретъ ихъ жизненности? Въ свободѣ или стѣсненіи? Во первыхъ, не въ гражданскомъ мотивѣ, а въ религіозномъ, потому-что индусы и евреи давно свою гражданскую самостоятельность потеряли; да-

лѣе же, не въ свободѣ, а именно въ свободномъ самостѣсненіи, въ свободномъ непоколебимомъ самоподчиненіи религіознымъ уставамъ, преданіямъ и обычаямъ. Китаецъ, индусъ, еврей, который оставляетъ стѣсненіе себя своими родными, освященными и скрѣпленными временемъ, обычаями, и воспринимаетъ европейскую культуру, тотъ китаецъ, индусъ, еврей потерянъ для народа и народности, особенно если онъ принялъ и вѣру чужаго народа. Въ основу русскаго государства также положенъ идеалъ никакъ не свободы, а также стѣсненія, свободнаго самоотреченія отъ свободы полудикарей, шатуновъ, вѣчевыхъ крикуновъ и т. д. Затѣмъ св. православная вѣра связала русскихъ въ народное единство, подчиненное единой волѣ Помазанника Божія. Тогда-то мы и были слабы, тогда едва не развалились, когда по временамъ захватывали себѣ побольше старо-славянской шатости, какъ было въ періодъ удѣловъ и самозванцевъ. Напротивъ, когда мы были всего крѣпче? Когда охотно несли благое иго Христово и доброе иго доброй единой власти, напримѣръ при Петрѣ I, во время шведской войны, при Александрѣ I, во время отечественной войны, и при Николаѣ I. А когда у насъ на Руси пошла неслыханная дотолѣ шатость умовъ, съ тѣхъ поръ мы стали для всего свѣта колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ великомудрые мужи, которые съ своихъ высокихъ каѳедръ, воздвигнутыхъ для ихъ блеска потомъ народа, собиравшаго русское царство, гремятъ диѳирамбами во славу своей любви къ свободѣ. Далеко-ль они ушли отъ графа Льва Толстого, имѣвшаго неслы-

ханную отвагу провозгласить и неслыханное упорство провозглашать всякую власть насиліемъ, каковое должно всячески искоренять? Пусть подумаютъ, въ согласіи или въ разрѣзъ съ народнымъ духомъ проповѣдуютъ они свою любовь къ свободѣ, — народному духу, который создалъ и вынесъ русское государство среди всякихъ историческихъ бурь самоограниченіемъ свободы и христіанскимъ самопокореніемъ своей грѣшной воли всеблагой волѣ Провидѣнія. Замѣчательно, что христіанство вовсе не поощряетъ любви къ свободѣ, какъ чувства естественнаго, въ которомъ чистое и достойное смѣшано съ плотскимъ и грѣховнымъ. Христіанство, напротивъ, поощряетъ смиреніе, самопокореніе, самоотверженіе, и во-первыхъ, отверженіе собственной грѣховной воли, приклоненіе подъ благое иго Христово собственнаго взимающагося на разумъ Божій ума; поощряетъ вольное подъятіе и несеніе креста Христова. Пусть подумаютъ, что въ основу русскаго государства положено самоограниченіе народной воли, выразившееся въ общенародномъ приговорѣ относительно призванія князей,—приговорѣ или договорѣ, который и до сихъ поръ скрѣпляется, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всенародною присягой, съ цѣлованіемъ Христова креста и призываніемъ Бога христіанскаго во свидѣтеля вѣрности и крѣпости всенародной присяги. Пусть подумаютъ, что безъ свободной душевной тяги, если не всего, то огромнаго большинства народа, въ русскомъ же царствѣ, безъ сомнѣнія, всего русскаго христолюбиваго народа, безъ свободной тяги къ средоточію народной жизни, къ предержащей власти, невозможно было бы

св. Руси жить, милліоны инородцевъ крѣпко къ себѣ привязывать и еще побѣждать многіе милліоны закованныхъ въ желѣзо, дышущихъ огнемъ враговъ. Пусть подумаютъ, насиліе-ли это, или же настоящая, разумно-человѣческая, сознательно-христіанская свобода, постигаемая и умомъ народа, особенно же чувствуемая его сердцемъ. Пусть подумаютъ, что всякій присоединившійся къ православной русской Церкви человѣкъ увеличиваетъ, а всякій отпавшій отъ нея уменьшаетъ народное большинство вѣрнѣйшихъ подданныхъ русскаго Царя, вольною волею и вольнымъ разумомъ поддерживающихъ его царскій престолъ. Пусть подумаютъ, что присоединеніе къ православію есть наиполнѣйшая *руссификація* (выражаясь языкомъ современной школы), не переоблаченіе, а перерожденіе, пресуществленіе инородца, во второмъ, въ третьемъ поколѣніи, въ кореннаго русскаго человѣка; тогда какъ отпаденіе русскаго отъ православія въ иныя секты (за исключеніемъ ближайшаго къ православію старообрядства), особенно же въ раціоналистическія, молоканство, штунду, пашковство, нигилизмъ, толстовщину, перерождаетъ русскихъ въ не-русскихъ. Пусть подумаютъ о томъ, что̀ эти проповѣдники любви къ свободѣ и ненависти къ власти, какъ насилію, готовятъ русскому народу. А то же, что и во всемъ свѣтѣ всему человѣчеству. Готовится безъисповѣдный вселенскій космополитизмъ, въ которомъ, какъ предъ потопомъ или вавилонскимъ смѣшеніемъ, всѣ люди смѣшаются въ упадкѣ всякой вѣры, всякаго возвышеннаго идеала, всякаго стремленія къ горнему, небесному, смѣшаются въ работѣ

самымъ низменнымъ страстямъ, въ захватѣ и раздорѣ изъ-за благъ міра сего; а раздѣлятся, какъ въ допотопномъ человѣчествѣ, на два лагеря, на лагерь исполиновъ коварства и злобы, который захватитъ лагерь болѣе незлобивыхъ и нелукавыхъ въ самое безпощадное рабство. И отъ этого послѣдняго зла избавитъ только самъ Богъ, стерши съ лица земли человѣчество, какъ недостойное болѣе жить.

Братіе,—умоляетъ насъ избранный сосудъ благодати Христовой св. апостолъ Павелъ, благовѣстникъ христіанскаго идеала христіанскаго государства,—*братіе*! *Молю васъ творити моленія, прошенія, благодаренія* предъ Богомъ *за вся человѣки*, прежде всѣхъ *за Царя*, а потомъ *и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины прійти.*

Глаголаше Іисусъ къ вѣровавшимъ Ему: аще вы пребудете въ словеси Моемъ, во истину ученицы Мои будете. И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы. Аще убо Сынъ свободитъ вы, во истину свободни будете (Іоан. 8, 31—36). Вотъ это слова Христовы, рѣчи евангельскія, ученіе Христовой церкви.

Аминь.